

ИЗЛОЖЕНИЯ

В Чудово, к Некрасову

Недалек городок, а бывать в нем не приходилось. Какие только поезда не бегут мимо по бойкой московской дороге, но — мимо, без остановки. Мелькнет в окне желтая громада его вокзала, да и останется позади. Ну что такое местечко по нынешним временам? Центральная усадьба большого совхоза... Вот и видится он издали глазами не собственных воспоминаний, утопающим до колен в лебедь, со скатами низких крыш, затененных вековыми кронами. А дальше — березовая роща в белостенной своей красе да ломкий перелесок на неопасном болоте. Охотничье приволье, столь дорогое сердцу человека, ради которого и несет меня в Чудово...

Дорога ведет от вокзала городской улицей, мимо стильной почты, мимо стеклянной во весь фасад витрины гастронома... Улица кончилась, и кончилась дорога. И за стволами старых деревьев разглядела я крашенное коричневым строение. Не крестьянская изба, но и не господская дача. Нечто среднее. За приотворенной балконной дверью мерно, медленно колыхалась занавеска, и светлая кромка ее, попадая на уличное солнце, искрилась зеленым. Так захотелось ступить на неровно посыпанную щебенкой дорожку и дойти до порога. Это был тот чудовский дом Николая Алексеевича Некрасова... Место для него близ деревни Чудовская Лука он приглядел загодя. А лето 1871 года уже прожил здесь. И каждое последующее — тоже, их оставалось еще шесть...

Ему нравилось место и нравился дом — не завещанный, не подаренный — свой, новый. Дом его последней любви. Всеми не понятой. Многими не прощенной. Но в доме хозяйничала Зинаида Николаевна, и все в нем дышало ее молодостью, ее нежностью, ее такой ненавязчивой добротой. Из гостей здесь бывали только самые близкие — братья, сестра да издатель Лазаревский, чем-то ему в те годы приятный. А сам он не всегда ждал лета. «Не поехать ли в Чудово дня на два, на три...» И ехал. Хорошо здесь работалось. Легко дышалось. Удивительное чудовское общество грело душу. Их было много, местных крестьян, с которыми он часами беседовал, днями пропадал в пойме Волхова. Люди, близкие ему по заботам, понятные. И он был понятен им и дорог. Стараниями одного из них сохранены немногие личные вещи поэта, представленные сейчас в музейной экспозиции. И крестьянская же память досказала остальное — что было в доме и где стояло.

В хорошем музее всегда есть ощущение, что день нынешний и день минувший — рядом. Крестьянские дети, чью судьбу решил когда-то Некрасов, в начале 30-х годов были еще живы. И нашему времени, откровенному на любовь к поэту, они поведали каждый об одном поступке Некрасова. А за поступком — целая их жизнь. Газетный лист 1930 года на музейной стене, словно мост, по которому зримо течет время.

Уж сколько раз убеждала жизнь, что есть на свете особая категория людей — музейные работники. Не в обиду будет сказано — они люди наивные, непрактичные, доказать и потребовать не умеют, часто не знают даже, к кому идти с доказательствами. Однако добиваются всего и пепел нашей общей памяти превращают в реальные музеи. Потому что однажды сумели решительно распорядиться не работой, не досугом, любовью или временем, но всею своей жизнью. Всю ее растворили в чужой жизни, и она, чужая, растворилась в их собственной, осталась поныне жива.

Лидия Алексеевна Ермилова, хозяйка чудовского музея, классический образец этого типа. У нее неуверенная походка, робкий взгляд и тихий нежный голос. Этим тихим голосом она читает некрасовские стихи без выражения, но истово, как некогда, наверное, творили молитву. Она не говорит «Некрасов» или «великий поэт». Только — «Николай Алексеевич». И смотрит вокруг удивленно, словно не знает, куда же он в этот момент запропал... Условны в большинстве вещи этого дома, а атмосфера — подлинна. И ты, гость, точно чувствуешь, знаешь, какой здесь жил человек. Все необъятное российское горе принял на свои плечи, пережил, как свое, и не надломился. Каждый день — бой! Но до чего же умел быть счастливым, быть собой!

Любил молодую красивую женщину, был азартен в охоте, как собственное дитя, собирал в Петербург больную крестьянскую девочку, горячими слезами оплакивал смерть верного друга — собаки Кадошки, хоронил ее у крыльца и плиту на могилу вез из столицы... И писал стихи, которые даже в великой русской поэзии были откровением.

Вот он поднимается на второй этаж, входит в кабинет, и от легкого сквозняка вздрагивает отворенная загодя балконная дверь. По огромному ковру, устилающему весь пол, скользят неслышные шаги. И хрустальная тишина этого дома обретает наконец свой истинный смысл — стражем стоит на рубеже Поэзии.

Николай Алексеевич сочинял только так — вышагивал, выговаривал строку за строкой, потом садился к столу и записывал набело:

Я лиру посвятил народу своему.

Быть может, я умру неведомый ему,

Но я ему служил — и сердцем я спокоен...

Пускай наносит вред врагу не каждый воин,

Но каждый в бой иди! А бой решит судьба...

Пока музей существует только для города. Да и существует в таком вот целостном виде лишь с апреля этого года. Проводит вместе с библиотеками праздники поэзии, а для заключительного тура районного конкурса чтецов некрасовской поэзии распаивает двери своей гостиной.

И хотя является он филиалом Новгородского краеведческого музея, экскурсии из Новгорода пока редки. Еще реже — из Ленинграда. Меж тем в пяти километрах от музея лежит стремительная трасса Ленинград — Новгород, где экскурсионный конвейер движется круглый год. Люди едут, специально затем, чтобы смотреть и слушать. Остановка для них в Чудове должна стать плановой. Ежегодно в Карабихе на Ярославщине проходят некрасовские Дни поэзии. В их орбиту должно быть включено Чудово. И как можно скорее. Утверждаю это столь категорично не потому только, что в современном Чудове нет проблемы принять и разместить большой съезд гостей. Не потому, что подобный акт сделает музей гордостью города. И даже не затем, что, уж коль есть музей, коль вложены в его создание труд и средства, они должны работать, а не лежать, как на складе.

Ведь речь идет о Некрасове, одном из самых ярких представителей политической поэзии не только в русской, но и в мировой литературе. О человеке, в ком гражданское чувство было столь естественно, как дыхание. Он нужен нам сегодня, Николай Алексеевич Некрасов. Ему по праву быть сегодня нашим наставником. Есть для современного человека такая необходимость. А состояние чудовского музея таково, что между нашим сердцем и сознанием и великим духом некрасовской лиры он может быть достойным посредником. Более чем достойным.

Я уезжала именно с таким чувством. В переполненной электричке мне очень хотелось сказать кому-нибудь, что прожит мною замечательный день...

Э. ГОРЧАКОВА.

Новгородская область.

Сав. Горчаков, 1983, 13 нояб.